

Посвящается памяти Чехова.

РАМПА

и ЖИЗНЬ

№ 26.

VI г. изд.

А. П. Чеховъ.

Къ десятилѣтію со дня кончины.
(1904 — 2 іюля — 1914 г.)

Щѣна отд. № 15 коп.

Воскресенье, 29-го іюня,
1914 года.

Цветы с могилы.

(Отрывок).

Я просил тебя прислать мне памятку о Москвѣ. Ты прислала мне нѣсколько увядшихъ цвѣтовъ съ могилы Чехова...

Другъ мой чуткій, ты прислала мне самое близкое, разбуждающее вновь во мнѣ, съ острой горечью и болью, тоску о моемъ городѣ. О городѣ, гдѣ надменное великолѣпие кремлевскихъ дворцовъ смѣняется провинціальной и наивной простотой Замоскворѣчья, гдѣ трамвайные звонки мѣшаются съ стариннымъ и грустнымъ боемъ курантовъ, о городѣ, который такъ пламенно и грустно любило бѣдное, такъ рано утасишее сердце Чехова.

Вотъ они лежатъ предо мной, три блеклыхъ, увядшихъ синенькихъ цвѣтка,—и я вновь, въ необычайной прозрачности, вижу далекую и грустную аллею Новодевичьяго монастыря, чугунную рѣшотку съ узоромъ, съ тѣмъ же самымъ узоромъ, что вытканъ на занавѣсѣ его театра. Передъ узкимъ, бѣлымъ памятникомъ горитъ кроткая, неугасимая лампада, словно облещаетъ его души.

Ты поминишь, мы стояли у чугунной ограды—и въ молчаніи, въ тихомъ вѣтрѣ, въ чуть шелестѣвшихъ ржавыхъ лѣстяхъ—читали души другъ друга—и его душу... Гдѣ-то звонили колокола утомленно и осенне, гапки съ клеточкомъ тѣбли надъ облѣбѣвшими деревьями, подъ осеннимъ небомъ, усталымъ и выпцвѣвшимъ, словно старческой глазъ.

Теперь все позади—и этотъ дальній день на тихомъ кладбищѣ Новодевичьяго монастыря, и та любовь, въ которую мы оба вѣрили такъ слѣпо и такъ безразсудно. Теперь мы—только друзья,—какъ писала ты,—но не забудешь ты этотъ осенній день и могилу Чехова, у которой мы впервые прочли въ молчаніи другъ друга то, что такъ давно хотѣли прочесть...

Блдинъ, милый мой городъ, который я больше не увижу, милые нѣмые тулочки, ветхій старенкій университетъ...

Понимаешь ли ты, почему съ такой горечью пробудили во мнѣ воспоминанія три синенькихъ цвѣтка съ его могилы? Въѣ все это связано съ нимъ, въѣ во всемъ этомъ—немножко его, невозможно смѣшной его и грустной любви къ Москвѣ. Ему вреденъ былъ московскій климатъ, но онъ прѣзжалъ сюда—и простужался, и снова, прѣзжалъ—и кашлялъ кровью, и увѣрялъ всѣхъ по-дѣтски и наивно, что московскій воздухъ для него полезенъ...

Ахъ, поймешь ли ты, какъ близко къ онъ теперь, когда кругомъ бѣлая стѣна санаторія, изъ котораго я уже не выйду.

Если хочешь, то мнѣ даже лучше, но утрамъ меньше крови,—но я всѣмъ существомъ ощущаю смерть и ея близость. Ты не называй жестокими слова мои. Право, мнѣ хорошо и ничуть не больно и даже не одиноко,—я весь съ тобой, въ моемъ наивномъ и чудесномъ городѣ, въ томъ городѣ, гдѣ грустная могила Чехова. Я весь съ тобой снова, какъ раньше, и ты во мнѣ, какъ въ тотъ далекій день у его могилы.

А поминишь ты день нашей встрѣчи, послѣ трехъ мѣсяцевъ разлуки,—въ номерѣ Большихъ Московскихъ, тѣхъ же Большихъ Московскихъ, которые такъ любилъ онъ? За эти три мѣсяца разлуки мы впервые почувствовали легкій холодокъ отчужденія, и, протягивая другъ другу руки, мы знали, что та, перъ а я любовь—позади. Я помню, чуточку утомлено было бѣдное лицо твое, и пальцы твоей руки слегка дрогнули въ моей рукѣ.

Я цѣловалъ твои холодныя руки, но чувствовалъ, что ты уже не вся со мной, не цѣликомъ,—чего-то неоставало въ нашихъ поцѣлуяхъ и въ пожатіяхъ нашихъ рукъ.

Но все равно,—я въѣ не упрекаю,—чѣя вина въ томъ, что мы такъ быстро повѣрили въ обманчивый призракъ любви? Я только переворачиваю тѣ дальнія страницы, что открылъ во мнѣ твои привѣтъ. Ты не могла придумать ничего чудес-

А. П. Чеховъ въ 1900 г.

нѣе, чѣмъ прислать мнѣ эти цвѣты. Какъ я тебѣ благодаренъ если бы ты знала!

За моимъ окномъ, у котораго я пишу это письмо, голубое небо, поютъ какія-то беззаботныя птицы,—но вотъ я закрываю лицо рукой—и вижу вновь, какъ во снѣ, твои усталые и чуточку страдальчески утомленные глаза, твои бѣдныя руки—и чугунный узоръ рѣшотки, тотъ же, что на занавѣсѣ чудеснаго театра.

Но во мнѣ нѣтъ уже ни грусти, ни раскаянія... Можеть быть потому, что для меня теперь это слишкомъ земное.

Говорятъ, больные умираютъ со счастливой улыбкой умиротворенія. Но если тебѣ случится увидѣть мою улыбку,—не бойся этихъ словъ, въѣ я не боюсь ихъ,—то знай, что она для тебя за твой послѣдній привѣтъ, за три синенькихъ цвѣтка съ могилы Чехова.

В. Линдъ